

Гацунаев Константин Николаевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии
Национального исследовательского Московского
государственного строительного университета

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ
МГУ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
В СЕРЕДИНЕ XX В.**

Gatsunayev Konstantin Nikolayevich

PhD, Associate Professor,
History and Philosophy Department,
Moscow State National Research
University of Civil Engineering

**SOCIOCULTURAL FACTORS
OF LOMONOSOV MOSCOW STATE
UNIVERSITY ARCHITECTURAL
ENSEMBLE FORMATION IN
THE MIDDLE OF THE 20TH CENTURY**

Аннотация:

В статье рассмотрены политические, экономические и социокультурные условия разработки и реализации проекта ансамбля Московского государственного университета на Воробьевых (Ленинских) горах. Целью работы является раскрытие социокультурного значения ансамбля МГУ (1949–1953) как результата воздействия исторически обусловленных факторов, а также конкретных обстоятельств, возникших в послевоенном советском обществе. Основу исследования составляет системный подход, сочетающий методы анализа и синтеза, с помощью которых рассматриваются существенные черты и свойства ансамбля МГУ как объекта культурного наследия. Данная проблема актуальна в рамках современных дискуссий, обусловленных различными подходами к анализу теории и практики архитектурно-градостроительной деятельности середины XX в. Совокупность факторов, способствовавших формированию нового комплекса МГУ, не получила должного рассмотрения в рамках философского и культурологического дискурса. Проблема изучается на основе материалов исследований историков, культурологов и философов, вовлеченных в анализ развития отечественной архитектуры XX столетия. Источниковую базу составляет мемуарная литература. Автор предлагает свои выводы относительно факторов, повлиявших на процесс разработки и реализации проекта архитектурного ансамбля МГУ.

Ключевые слова:

архитектура, генплан, градостроительство, декор, «монументализированный архетип», геополитическая эстетика, культурная новация, культурная традиция, кампус, высотное строительство.

Summary:

The paper discusses political, economic and socio-cultural conditions for the development and implementation of the Moscow state university ensemble in Vorobyevy (Lenin) Gory. The purpose of the work is to reveal the sociocultural significance of the Moscow State University ensemble (1949–1953) as the result of the impact of historically related factors, as well as specific circumstances that have arisen in post-war Soviet society. The basis of the study is a systemic approach, combining analysis and synthesis methods, in which the essential features and properties of the Moscow State University ensemble are considered as an object of cultural heritage. This problem is relevant in the modern discussions arising from various approaches to the theory and practice analysis of architectural and urban planning activities of the mid-20th century. The set of factors that contributed to the formation of the new Moscow State University complex was not given due consideration in philosophical and cultural discourse. The problem is studied based on the research materials of historians, cultural scientists and philosophers involved in the analysis of the domestic architecture development in the 20th century. The source base is memoir literature. The author offers his conclusions about the factors influenced the process of development and implementation of the project of Moscow state university architectural ensemble.

Keywords:

architecture, general plan, town planning, decor, “monumentalized archetype”, geopolitical aesthetics, cultural innovation, cultural tradition, campus, high-rise construction

Проблемы эволюции послевоенной советской архитектуры привлекли внимание целого ряда исследователей [1]. Не обойден вниманием и ансамбль МГУ на Воробьевых (Ленинских) горах. Так, сразу после завершения строительства университетского комплекса новые организационно-технические и художественные подходы были обобщены в работах В.К. Олтаржевского [2], Н. Кулешова и А. Позднева [3]. Градостроительным и композиционным аспектам формирования университетского комплекса посвящена значительная часть мемуаров главного архитектора столицы – Д.Н. Чечулина [4]. Аналогичным образом технические и социально-политические аспекты строительства главного здания МГУ рассматриваются в книгах воспоминаний А.Н. Комаровского [5] и Ю.А. Жданова [6]. Семiotике университетского пространства и многообразным социальным функциям МГУ в исторической ретроспективе посвящена монография И.П. Кулаковой [7]. Существенные вопросы становления и развития МГУ рассматриваются в коллективной монографии «Очерки истории университетского образования» [8].

За рубежом интерес к проблематике отечественной архитектуры и градостроительства середины прошлого века в целом и так называемому «сталинскому ампиру» в частности проявили Б. Гройс [9], Я. Вуек [10], Д. Грегори [11], У. Таубман [12]. Однако вне поля зрения исследователей остаются социокультурные и идейно-политические факторы, свойственные послевоенной эпохе, обусловившие конкретные особенности нового университетского ансамбля. Это касается как выбора места для строительства, так и его масштаба, композиции, декоративного оформления.

Характерными чертами, свойственными отечественной архитектурно-строительной деятельности середины прошлого века были: острая нехватка строительных материалов, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие практики высотного строительства и соответственно отсутствие как технологий, так и опыта осуществления такой деятельности. Вторая половина 1940-х гг. стала периодом серьезных испытаний для всего общества. Необходимость одновременного осуществления восстановительных работ на разоренных войной территориях, преодоления последствий неурожая 1946–1947 гг. и сложностей продовольственного обеспечения, вынужденное сохранение огромных военных расходов существенно ограничивали возможности реализации крупных архитектурно-градостроительных проектов. Однако предложенная в 1946 г. руководством Москвы программа малоэтажного строительства в столице не нашла понимания и поддержки со стороны И.В. Сталина. Именно для московской архитектуры вождем отводилась репрезентативная функция особого рода [13, с. 96]. Столичные здания и сооружения, по мнению вождя, должны были прочно ассоциироваться с обликом главного города мировой сверхдержавы. В русле такого подхода лежит и строительство послевоенных высоток.

Феномен так называемой «геополитической эстетики» предполагал утверждение в архитектуре идеи национально-государственной идентичности. И.А. Добрицына дает обоснованное определение «монументализированного архетипа» [14, с. 265] именно для архитектурно-градостроительных решений, подобных ансамблю МГУ. Если рассматривать сооружения такого рода с точки зрения акцентированного сохранения конструктивного и художественного своеобразия, а также национальной идентичности, то возводимая в послевоенной Москве группа высотных зданий понималась как очевидное следование архетипу оборонительного периметра средневекового города-крепости. То есть семь «сталинских высоток» символизировали архетип круговой стены с башнями, выражая таким образом идею символического единения с историей.

Генеральный план развития центра Москвы, разработанный Д.Н. Чечулиным в 1948 г., и аналогичный документ, принятый в 1951 г. для столицы в целом, предусматривали фиксацию в новом, более крупном масштабе сложившейся еще в Средние века городской структуры. «Привязка» высотных доминант к линии Садового кольца и к речным долинам, ансамблевая застройка с неперменным требованием художественной завершенности и композиционной цельности вполне укладывалась в русле партийной линии на сохранение культурной преемственности и воссоздание так называемого «зрелища Москвы». Некоторая эксцентричность расположения университетского ансамбля на почти не застроенном юго-западе, к тому же достаточно удаленном от центра города, на самом деле была тщательно выверенным и перспективным градостроительным решением. Визуальная связь Воробьевых гор с большей частью исторического центра и запланированное массовое строительство в этой части столицы в полной мере оправдывали выбор места для нового университетского ансамбля.

В отличие от мифологем послереволюционного десятилетия с декларативными попытками полного разрыва культурной преемственности: «Нами оставляются от старого мира только папиросы «Ира!»» [15, с. 185] – в послевоенном Советском Союзе пропагандистские усилия были направлены на формирование в общественном сознании другого мифа: «Мы берем и приумножаем все лучшее из того, что было до революции!». Поскольку городская среда в целом и архитектура в особенности являются важным средством закрепления желаемых норм социального поведения, то неудивительно, сколь существенное значение в рассматриваемый период придается смыслу, заключенным в архитектурной форме. Попытки немедленного создания «советской классики» с механическим воспроизведением в новых зданиях набора архитектурных форм, заимствованных из далекого прошлого, было обусловлено нуждами как политического руководства, так и массового сознания той эпохи. Потребность в архитектурном языке, который композиционными, декоративными и техническими средствами транслировал бы актуальную идеологическую повестку и вполне определенно выражал цели и задачи власти, отражена как в самих проектах университетского ансамбля, так и в организационно-технических аспектах его реализации. Грандиозный масштаб главного здания МГУ, с одной стороны, подавлял индивида, а с другой – позволял создать ощущение принадлежности к мощному и непоколебимому государству. Кроме того, в геополитической ситуации середины прошлого века масштабность и монументальность университетского ансамбля – это эффективный способ демонстрации силы и стабильности собственного политического строя, его преимуществ перед идеологическими соперниками.

Новый геополитический статус СССР повлек за собой создание системы разнообразных связей со странами-союзниками. Помимо глубоких военно-политических и экономических контактов получили развитие связи в области культуры, науки и высшего образования. Несмотря на отсутствие в лексиконе той эпохи выражения «мягкая сила», само значение подготовки зарубежных кадров в советских вузах осознавалось в полной мере. Создаваемый в Москве новый университетский комплекс должен был как минимум не уступать по основным параметрам лучшим зарубежным университетам. В качестве главного соперника, чьи показатели следовало превзойти, выступал престижнейший Колумбийский университет в Нью-Йорке. Масштабы главного здания МГУ, общая площадь ансамбля, размеры ботанического сада и даже комфортные условия проживания в общежитиях для студентов и аспирантов не должны были уступать заокеанскому университету. Как отмечал Ю.А. Жданов, в реальности проект московского университетского комплекса по большинству показателей превосходил своего главного конкурента. Даже площадь жилых помещений в расчете на одного студента планировалась большей, чем в кампусе Колумбийского университета. Вдвое «уплотнило» жилую часть главного здания МГУ вмешательство в обсуждение проекта В.М. Молотова [16, с. 185].

Особо оговаривалось выделение Внешторгу валютных ассигнований на закупку новейшего оборудования, приборов и реактивов для оснащения лабораторий МГУ. Сопоставление масштабов Московского и Колумбийского университетов приводится в большинстве материалов и документов тех лет. В них констатируется безусловное превосходство нового московского университетского ансамбля по всем показателям. Ввиду задержки с реализацией проекта Дворца Советов, роль главного здания страны отводилась высотке МГУ. Ключевым элементом университетского ансамбля на несколько десятилетий стал самым высоким зданием на европейском континенте.

При всей значимости функциональной составляющей университетского комплекса едва ли не большее значение придавалось той роли, которую новый ансамбль должен был выполнять в формирующемся «державном» облике столицы государства, победившего в глобальном конфликте. В общественном сознании различными способами укоренялась идея исторической преемственности между «старой», дореволюционной Россией и послевоенным СССР. В повседневном обиходе тех лет никого больше не удивляло возвращение погон, а также традиционного покроя армейской и милицейской униформы. В литературе, театре и кинематографе появились произведения, в которых позитивно раскрывались события и персонажи дореволюционной поры. Сошла на нет волна воинствующего атеизма, и отношения государства с церковью на некоторое время приобрели вполне корректный характер. Поощрялось возвращение на Родину эмигрантов первой волны, а некоторые из вернувшихся (А.Н. Вертинский, граф А.А. Игнатьев) приобретают общесоюзную известность.

В советском обществе середины XX в. архитектура служила одним из важных средств закрепления норм социального поведения. Чувство национальной гордости и ощущение самостоятельности не допускали даже мысли о вторичности как технических, так и художественных решений, примененных в высотном строительстве. Не допускалось наименование этих зданий термином «небоскреб». Это особо подчеркивали Н. Кулешов и А. Позднев: «В отличие от американских небоскребов с их оголенной, безрадостной архитектурой, лишенной национального своеобразия, в наших высотных зданиях отражены характерные черты русской национальной архитектуры с ее красочностью и стремлением ввысь» [17, с. 16–18]. Смысловые значения архитектуры обрели значимую роль в осуществлении коммуникативной функции, утверждения желаемых идеальных представлений и форм поведения.

Таким образом, на процесс разработки и реализации проекта ансамбля МГУ архитекторов Б.М. Иофана, Л.В. Руднева и С.Е. Чернышева существенным образом повлияли следующие факторы:

- двукратный рост численности студентов Московского университета в 1941–1947 гг. и обусловленная этим нехватка аудиторных и лабораторных помещений;
- физическая изношенность и моральное старение зданий и сооружений МГУ, возведенных в центре Москвы в XVIII–XIX вв.;
- новый масштаб задач, вставших перед фундаментальной наукой и осознание руководством страны роли университетов в решении этих задач;
- необходимость градостроительного «освоения» юго-запада Москвы и имеющиеся предварительные проекты вузовских комплексов в этой части столицы (Институт библиотковедения И.И. Леонидова и Комвуз А.В. Власова);
- исключительно важная роль Воробьевых гор в московском городском ландшафте и закрепление в генпланах 1948–1951 гг. задачи возрождения живописного пейзажа столицы («зрелища Москвы»);

- стремление политического руководства СССР придать столице архитектурный облик, соответствующий новому международному статусу страны;
- положенный в основу взаимоотношений со странами «народной демократии» лозунг: «Учиться у СССР!» имел и буквальное значение. МГУ должен был стать эталоном «кузницы кадров» для геополитических союзников;
- в условиях задержки на неопределенное время строительства Дворца Советов роль «главного здания страны» фактически предназначалась новому комплексу МГУ.

Ссылки:

1. Алещенко Н.М. Москва в планах развития и реконструкции. 1918–1985. М., 2009. 240 с. ; Архитектура и культура России в историческом взаимодействии. СПб., 2019. 432 с. ; Иконников А.В. Архитектура и история. М., 1993. 248 с. ; Иконников А.В. Архитектура Москвы. XX век. М., 1984. 222 с. ; Молокова Т.А., Бунина Е.В., Бызова О.М. Правители России и развитие строительства / под общ. ред. Т.А. Молоковой. М., 2012. 296 с. (Библиотека научных разработок и проектов МГСУ) ; Молокова Т.А., Фролов В.П. Памятники культуры Москвы: из прошлого в будущее. Изд. 2-е. М., 2010. 168 с.
2. Олтаржевский В.К. Строительство высотных зданий в Москве. М., 1953. 216 с.
3. Кулешов М., Позднев А. Высотные здания Москвы. М., 1954. 158 с.
4. Чечулин Д.Н. Жизнь и зодчество. М., 1978. 326 с.
5. Комаровский А.Н. Записки строителя. М., 1972. 264 с.
6. Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое. Ростов н/Д., 2004. 448 с.
7. Кулакова И.П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. 336 с.
8. Очерки истории университетского образования : монография. М., 2010. 128 с.
9. Гройс Б. Gesamt-kunstwerk Сталин. М., 2013. 168 с.
10. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. М., 1990. 286 с.
11. Gregory D.A. Housing and urban development in the USSR. N.Y., 1985. 354 p.
12. Taubman W. Governing soviet cities: Bureaucratic politics and urban development in the USSR. N.Y., 1973. 166 p.
13. Алещенко Н.М. Указ. соч.
14. Архитектура и культура России в историческом взаимодействии.
15. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1955–1961. Т. 5. Стихотворения 1923 года – 1957. 285 с.
16. Жданов Ю.А. Указ. соч.
17. Кулешов М., Позднев А. Указ. соч.

Редактор: Хорева Людмила Николаевна
Переводчик: Мельников Евгений Вячеславович